

ЛЕКСИКОЛОГІЯ

УДК 81'373.2

РОМАНОВА Наталья Васильевна,
доктор филологических наук, доцент кафедры
немецкого языка Херсонского государственного
университета
e-mail: natalroman@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ В АВАНГАРДНОЙ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ: БЕРНХАРД ЛИРХАЙМЕР

В статье проанализировано лексическое выражение эмоций в авангардной немецкой поэзии начала XXI века, выявлено характерные особенности функционирования лексических единиц в поэтическом языке Б. Лирхаймера, разграничено эмотивную и соматическую лексику, предложено семантико-морфологическую классификацию эмотивно окрашенных слов. Анализ подтвердил тот факт, что вербализация эмоций в авангардной поэзии обусловлена спецификой мировосприятия и миропонимания, общекультурным развитием и интенциями авангардного поэтического дискурса, стремлением создать новую эмоциональную модель поведения в динамичном, изменчивом и бездуховном мире.

Ключевые слова: эмоция, авангардная поэзия, лексика, эмотивная лексика, соматизм.

Постановка проблемы. Эмоции являются неотъемлемой частью адаптации человека в земном мире и важнейшей составляющей его психологической реализации в коммуникативном акте или языковой деятельности [1, с. 19-22]. Именно эмоции способны превратить обычную встречу в целую драматическую историю, балансирующую на грани жизни и смерти. Без эмоций, чувств, сопереживания другим людям человек, наверное, не был бы индивидуальностью или в полной мере личностью [2, с. 109-113].

Анализ последних исследований и публикаций. Лингвистика эмоциональной сферы личности, эмоций человека переживает сегодня свой исследовательский «бум». Учёных интересует не только номинативная (А. В. Жуковская, А. С. Илинская, Г. В. Киреева и др.), структурная (Н. А. Красавский, М. В. Пименова, Я. П. Рудковский и др.), смысловая (М. М. Маковский, П. О. Селигей, В. Н. Телия и др.) или семантическая (Г. С. Бородкина, П. А. Купоросов и др.) природа эмоционального и эмотивного, но и коммуникативно-прагматический характер феномена (М. Д. Городникова, З. З. Исхакова, В. И. Шаховский и др.). Всё сказанное и определяет актуальность выбора темы статьи.

Цель нашей работы – проанализировать лексику, обозначающую эмоции, в авангардной немецкой поэзии. Достижение поставленной цели требует выполнения следующих задач: 1) характеристики термина «авангардная поэзия», 2) выделения основных особенностей функционирования лексических единиц в поэтическом языке Бернхарда Лирхаймера, 3) семантико-морфологической классификации лексем с семой ‘эмотивность’, выделенных в исследуемом материале.

Изложение основного материала. Наблюдения над литературоведческими словарями, изданными в начале XXI века, показали отсутствие кодификации термина «авангардная поэзия» [3, с. 8]. Объём этого понятия, на наш взгляд, можно установить с помощью словарных статей заимствованных слов, где явно прослеживается тенденция к этимологическому и концептуальному объяснению [4, с. 14, 454].

Первый компонент или «авангардный» фиксируется с пометкой «производное» от французского *avant-gardisme* – «авангардизм» и рассматривается как полисемант с двумя значениями: 1) идущий впереди других и 2) принадлежащий к авангардизму. Второй

компонент или «поэзия» восходит к греческому слову *poiēsis* – «творчество» и обладает ярко выраженной функциональной дифференциацией: прямое и переносное употребление. Прямое употребление проявляется при обозначении: 1) искусства образного выражения мысли в слове, словесного художественного творчества, преимущественно стихотворного; 2) стихотворения, ритмического языка (в отличие от прозы); 3) совокупности стихотворных произведений какого-либо поэта или группы поэтов, эпохи, народа. Переносное или метафорическое соотносится с чем-то прекрасным, возвышенным, что влияет на чувства и воображение человека. Такая широкая трактовка содержания компонентов даёт возможность определить интересующий нас термин с точки зрения когнитивной и языковой деятельности.

Под авангардной поэзией будем понимать нестандартное стихотворное творчество конкретного поэта современной культурно-исторической эпохи, способное вызывать эмоции у адресата. Предлагаемая дефиниция имеет узкую направленность и охватывает коммуникативно-прагматический уровень, который «ломает» систему норм и канонов, шаблонов и стандартов, характерных для жанра поэзии. При этом поэт осознано или неосознанно пытается выделиться как харизматическая и «энциклопедическая» личность на фоне тематики, языка, философии, психологии, эстетики, культуры социума или человечества. Не исключается необходимость публичного высказывания собственных мыслей, самоутверждение, самореализация поэта как индивидуума и представителя конкретного языкового коллектива. Более того, словесник стремится создать некую новую эмоциональную модель поведения в динамичном, изменчивом и бездуховном мире (*“Im Nebeltal”* [5, с. 14-16], *“Heimatrecht”* [с. 44]).

Новизна модели состоит в **ответственности** за «свой» мир, в котором живёт человек. «Свой» мир можно трансформировать или корректировать, если что-то в нём не устраивает *Ich bin nicht hier / Ich bin nicht auf dem Mond / Ich bin auch nicht im Himmel. / Ich habe das Zeitrad der Zeit gekränkt / Stehend eilt es dahin / Spurlos im Schnee* [5, с. 46]; *Im Schnee roch ich den Frühling / für immer* [5, с. 54]. Другими словами, «свой» мир – это отражение мыслей человека *Wenn ich an ein Nebeltal denke, so sehe ich / Kühllende Eisperlen an riesigen Farnwedeln / Alles riecht nach verhaltenem Gebären und Vergehen / Ich denke an Sandpfade über die unsere Füße streichen. / Und ich denke an uns Hand in Hand* [5, с. 14]. Когда «свой» мир создан, его необходимо соизмерять с «чужим» или «другим» миром *Fruchtbar sollen meine Gedanken sein / Und mit den deinen reden / So wie ein klappernder Kieselstein / mit einem kleinen Fluss* [5, с. 60]. Конечно, это не так просто – поддерживать внутреннюю и внешнюю гармонию. Но если гармония нарушена, её можно восстановить – изменив свои мысли *im mondlicht denke ich darüber nach, wie es wäre / gelebt zu haben: einmal / nur einmal gelebt haben / die finger ins wasser gebracht / kälte und wärme Verspürt: einmal / den Geschmack einer Seele gekostet / den teufel zu tode erschreckt: gott / in seiner jugend verspürt: einmal / wind in roten segeln gewesen sein!* [5, с. 42]. При этом важно научиться делать что-то новое, более позитивное, чем старое, не обвиняя себя и других за неудачи или ошибки.

Из примера видно, какой выбор сделан лирическим Я – пройти через земной мир с чувствами *Seele*, духовностью *gott* и романтикой *in roten segeln*.

Чувства, как показано в цитируемом стихотворении *“zu leben beginnen”*, инструмент для познания законов Вселенной, земного бытия, человека (себя) как уникального мира в универсальном мире. Схематически получается такая семантическая цепочка: **новые мысли** → **новый образ** → **новый результат** → **новое эмоциональное поведение**. Эта цепочка является неполной, так как не отражает самой Реальности.

Реальность представляет собой непостижимую силу, энергию, обладающую осознанием (В. В. Бойко, Л. А. Секлитова, Л. Л. Стрельников, В. В. Синельников).

Человеческое осознание – это всего лишь часть Вселенского, Божественного осознания. Говоря о части как целом, человек тем самым теоретически признаёт осознание

Реальности. Фактически ж человеческое осознание сводится к наблюдению и оценке значимых для него событий, программированию «своей» модели мира, отождествляемой с объективной действительностью. Поэтому очень важно уметь контролировать, регулировать, выбирать и анализировать информацию, поступающую извне. Получается следующая картина: внешнее влияет на внутреннее, а внутреннее формирует внешнее. И в этой «гармоничной» модели современному поэту отводится не функция пишущего, а роль думающей творческой личности. Роль философа-концептолога и одновременно романтика! Порождаемая названным поэтом мысль, обладает универсальной энергией и созидательной или разрушительной силой. Выразил и материализовал поэт любовь – послал созидательное чувство, которое возвращается в виде радости, счастья, успеха.

Будучи обиженным на мир, поэт не только посылает, но и материализует разрушительные мысли, которые порождают боль и страдание, агрессию и насилие. То есть задача поэта-авангардиста – помочь в восстановлении равновесия между «своей» моделью мира и Реальностью и научить адресата поддерживать это равновесие.

Предварительно заметим, что авангардная поэзия Бернхарда Лирхаймера (1963) – это полиинтенциональное явление, трансформирующееся в сложный интенциональный комплекс. Здесь можно выделить главную и второстепенную цели коммуникации.

Главная целевая установка, на наш взгляд, обусловлена получением когнитивного резонанса в кругу адресатов и эстетического наслаждения адресанта от реализации специфики поэтического слова.

Второстепенные интенции соотносятся с функционированием данного слова, его комбинированием или инновацией для достижения результата, ожидаемого поэтом. Например, благодаря употреблению эмотивных частиц *doch* (24), *nun* (4), *nur* (4), Б. Лирхаймер сближает и перекрещивает функциональные стили – художественный и разговорный, демонстрирует свою «народность», «природность» и экспрессивность: *Ach hätte unser Gott uns doch mehr / Geliebt oder wir ihn. Vielleicht / Wäre aus unseren krummen Seelen dann doch / Noch irgendwas etwas geworden* [с. 10] (здесь и дальше иллюстрации [5]. – Н. Р.).

Использование повтора эмотивной частицы *doch* предполагает модификацию или усиление семантики ирреальности а) условия альтернативной любви *hätte Geliebt* – Бога к людям или людей к Богу, б) желанья хоть как то изменить деформированный внутренний мир людей *Wäre aus unseren krummen Seelen geworden*. При этом дефицит духовного и деформация психического тесно связаны с утилитарной и эмоциональной оценкой, субъективным отношением адресанта к предмету высказывания – неодобрение. Выделяется также увеличительная экспрессивность любви *mehr* и образная экспрессивность души *Noch*.

В словесной ткани иллюстрированного стихотворения “Sternenspur” (f = 74) нами зафиксировано лексический *Liebe* (4), *Sternenspur* (2), семантический *mit Liebe* (2), морфологический *unser, unseren*, синтаксический *mit* (2), *aus* (3), *wie* (2), *im* (2), *auf* (2), *doch* (2) повторы, параллелизм синонимов *irgendetwas etwas*.

В процессе духовно-интеллектуального труда поэт индуцирует лексему *Liebe* (4) или чувственную сферу, подчёркивая тем самым актуальность любви в современном мире и жизни каждого человека.

Существенен семантический потенциал *Liebe*, реализующийся разнопланово: философски *Nicht viel um eine Liebe sein...*, научно *Mit Liebe fragen aus wie vielen Büchern / Unzulässiges Ohr*, биокосмически *Blowjobs mit Liebe geblasen / Sternenspur im Gesicht*, морально-физиологически *Ein Lackmustest für Liebe / Blut auf frisch gestärktem Laken*, сакрально (см. пример выше). Суть семантического потенциала *Liebe* заключается, очевидно, в оказании воздействия на адресата и побуждения его к действию: когнитивному, информативному, аффективному, духовному.

Исследователи лексики художественного текста (Ю. Шевелёв, М. Гореликова, М. Крупа) считают, что повторяющиеся в тексте значения слов являются семантически наиболее значимыми. Повторы образуют **тематические поля** слов, связанные между

собой парадигматическими отношениями, характерными для лексико-семантических групп. В тематическое поле могут входить также слова с отдалёнными семантическими связями, обусловленные в поэтическом тексте полисемией, паронимией, словообразованием и ассоциативно-семантическими связями.

Слово, принадлежащее к тематическому полю, называется **тематическим**, главное ж тематическое слово, репрезентирующее определённую тему, – **стержневым**. Если тематическое слово реализует в поэтическом тексте несколько своих функций, то оно является компонентом разных тематических полей.

В анализируемом стихотворении можно условно выделить шесть тематических полей:

- 1) «**Антропоцентрический мир**» (18): *Büchern, Ohr, Gesicht, Lackmustest, Blut, Laken, Polizei, Herzen, Träume, Knöpfe, Wanst; Entvölkert; sein, fragen, wäre geworden; uns, wir, unseren;*
- 2) «**Характеристика живых и неживых объектов**» (9): *Nicht viel, wie vielen; Unzulässiges, geblasen, frisch, gestärktem, herausgetrennte, Englisch, krummen;*
- 3) «**Чувства, эмоции, психика**» (7): *Liebe (2), Blowjob, Liebhaber, Seelen; Enttäuscht; hätte geliebt;*
- 4) «**Космос**» (3): *Sternenspur (2), Sterne;*
- 5) «**Сакральное**» (2): *Gott, ihn;*
- 6) «**Разное**» (1): *Landschaft.*

Итак, основными тематическими полями являются первая позиция, или «Антропоцентрический мир», четвёртая позиция, или «Космос», пятая позиция, или «Сакральное», шестая позиция, или «Разное».

Перечисленные основные поля отличаются семантической антагонистичностью: «планетарное – космическое», «живое – неживое», «материальное – идеальное», «природное – искусственное», «земное – неземное», «часть – целое», «своё» – «чужое», «единственное – множественное», «человеческое – божественное», «позитив – негатив». Диалектика данных оппозиций обнаруживается через реальную *sein* и ирреальную *wäre geworden* статику, объективную динамику когнитивного *fragen* и *Vielleicht*, эмоциональную информацию заимствованного *Blowjobs* и исходного *Wanst*.

В совокупности основные тематические поля вырисовывают полную картину эмоционального состояния лирического Я, подчиняют себе другие тематические поля: «Характеристика живых и неживых объектов», «Чувства, эмоции, психика», сигнализируют о нестандартном формате образа *Liebe*: романтическом *mit Liebe fragen* и одновременно аномальном *Blowjobs*, моральном *für Liebe* и одновременно бездуховном *Enttäuscht*, десакральном *hätte Gott / Geliebt* и антирелигиозном *hätte unser Gott uns doch mehr / Geliebt oder wir ihn*.

Среди анализируемых тематических полей первое тематическое поле «Антропоцентрический мир» необходимо рассматривать не как фон, на котором разворачиваются и строятся душевные переживания, а как механизм запуска этих переживаний. Такой механизм определяет «меру» современных земных чувств человека *Liebe*, точнее их прагматизм или обесценивание.

Частеречное распределение словаря исследуемого текста характеризуется асимметричностью, то есть неравномерностью употребления грамматических разрядов слов: имя существительное – 20, имя прилагательное – 10, местоимение – 5, глагол – 4, наречие – 4, предлог – 6, союз – 2, частицы – 4, междометие – 1.

Преобладание имён существительных свидетельствует о «предметном» видении поэтического мира, что можно рассматривать как один из механизмов нарушения поэтических канонов (А. П. Грищенко, Л. И. Мацько, О. М. Сидоренко, Н. М. Шимков).

Отметим, что стандартным творчеством, по словам Б. Лирхаймера, являются стихи немецких классиков – Й. В. фон Гёте и Ф. фон Шиллера. Изменение шкалы так называемых «классических» ценностей тесно связано с новым пониманием роли поэта в жизни общества.

Обратимся к примерам: *Meine Worte und ich lassen sich nicht trennen / Ich bin ein großer Dichter! / Ich befinde mich aber in den Wortzwischenräumen / im Raum dazwischen, auch rechts und links neben den Buchstaben / Ich schreibe große Gedichte!* [S. 70].

Классические традиции употребления подобных пафосных высказываний в XVIII веке категорически не допускали их включения в литературное произведение. Аналогичным образом функционируют в иллюстрированном стихотворении эмоциональные высказывания о важности деятельности поэта *Ihr werdet noch um mich weinen!; Die Welt wird meine Lieder singen!*

В данных примерах поэт прогнозирует будущее своего творчества с использованием как невербального *weinen!*, так и вербального *singen!* эмоционального поведения читателей. Кроме того, отмечается совмещение рациональной и эмоциональной оценочной семантики: *Geh mit mir hinter meine Worte!* Здесь аргументация приказа двигаться самостоятельно *Geh*, то есть без технических средств передвижения по земной поверхности, сопряжена с четко очерченной траекторией. При этом траектория движения характеризуется двумя формальными показателями: субъективным *mir* и совокупным личностным продуктом *meine Worte*. Субъективное обуславливает совместное движение поэта с читателем *Geh mit*, а совокупный личностный продукт – линейное движение читателя за поэтом *hinter*.

Следовательно, для адекватного восприятия авангардной поэзии важно не только принципиальное **наличие** читательского ориентира, но и **способ** представления этого ориентира, который определяет дальнейшее смысловое развёртывание стихотворения, способ выражения авторской модальности.

В основе исследуемой поэзии находится понятие «более красивая жизнь» *Schöner wohnen*, под которой понимается, прежде всего, **язык** как философская категория и когнитивная метафора *Die Sprache ist mein*. Сюда же относится рациональное **структурирование информации** по принципу матрицы *Mein Haus hat viele Zimmer, / Die bewohnt werden wollen, / Türen für das noch Fremde / Und Fenster für die Dunkelheit*, где аккумулируется не ассимилированное «чужое» *noch Fremde* и непознанное *Dunkelheit*; умелое **сочетание** звука и цвета *nicht leise und grau*; **устойчивость** языка *Mein Haus darf nicht verbrannt / Und niemals zerstört werden. / Kein Sturm darf es / Hinfortfegen*; **единение** тела и души *Mein Haus ist mein Körper / Der Sitz meiner Seele*, языка и мысли *Sie ist Boden und Dach / Meiner Gedanken* [с. 56, 58]. Последние особенно важны, ибо принимают активное участие в формировании «авангардного» языка: мысли *Gedanken* неотъемлемы от воображаемого *Vorstellbare*, диалога со своим сердцем, чувствами, имеющего обратную связь *Gestern fragte ich mein Herz ob es noch lebe / So lange du mir noch weh tust sagte mein Herz / Lebe ich noch* [с. 50].

В сближении существительного *Herz* с прилагательным *weiß* рождается новое значение, которое ассоциируется у Б. Лирхаймера с зубной пастой *Zahncreme*, стеклянным господином матового цвета *Gläsernen Herrn aus hellem Milchglas*, смертью *Heute frage ich mein Herz ob es noch lebe* [Там же].

Таким образом, в рассматриваемом нами стихотворении соматизм *Herz* получает вещественную, материальную, гендерную, колористическую и субстанционную окраску и обозначает искусственный орган или неживую материю. Механизмом жизни этого сердца является кровь *Blut*, мерой – ограниченный объем *einen Eimer Blut*, источником – чужое *kaufte*, качество которого не совместимо с исходной жизненной субстанцией *das falsche Blut die falsche Sorte*. Именно качество крови обуславливает поиски нового, живого сердца *Jetzt such ich ein neues Herz / Herz das noch lebt* [Там же].

Финальная или сильная позиция поисков в форме риторического вопроса *Kennst du eines?* побуждает, в свою очередь, к поиску ответа. Такая текстовая концовка рассматривается филологами как «открытая» [6, с. 131].

«Открытый» конец стихотворения *Mein Herz so weiß* активизирует восприятие, ориентирует на анализ, возврат к тексту, вовлекает жизненный опыт адресата в процесс

обдумывания, что, безусловно, способствует превращению воспринятого произведения и его поэтического мира в часть этого жизненного опыта. В этом контексте *концовка стихотворения предполагает сложный путь к незримому духовному сотрудничеству адресанта и адресата*. Наряду с сотрудничеством можно выделить и многогранность соучастия творческого (поэт) и коммуникативно-прагматического (интересы и потребности читателя), которые способствуют расширению лексико-семантического пространства на ментальном и эмоциональном планах, а также являются эффективной мотивацией к пополнению и обновлению существующих у адресата знаний о реальном мире.

Акцентируем внимание на том факте, что сердце не отождествляется с душой *Gestern fragte ich mein Herz ob es noch dort sei / Um meine Seele Ich vergewisserte mich / Ob um meine Seele noch das Fleisch sei* [S. 50]. Душа *Seele* мыслится как место локализации сердца *Ich packte mein Herz ein nun ist es in mir / Nun ist es in meiner Seele in meinem Leib* [Там же], неопределённый продукт питания *einmal / den Geschmack einer Seele gekostet* [S. 42], нейтральное эмоциональное состояние *Der Tod räumt auf mit seinem Besen / Und die Seele bleibt ruhig* [S. 54], источник тяжелых инфекционных заболеваний *Keine Hand zum Gruß / Kein Wort zum Abschied / Nichts hat nichts zu bedeuten / Auf meiner glatten Stirn / Und in meinen strahlenden Augen / Nehmen sie nur den Aussatz / Meiner Seele wahr und sonst / Nichts* [S. 64], объект агрессии *Wozu den Massenmord der Seele aufhalten* [Там же].

В перечисленных примерах семантика *Seele* проистекает из метафоризации, основанной на общности в семном составе двух слов, денотаты которых не связаны между собой в реальности («сердце – душа»: общая сема – ‘часть человека как биологического существа’; «вкус – душа»: общая сема – ‘сенсорность’; «смерть – душа»: общая сема – ‘временный’; «болезнь – душа»: общая сема – ‘психический диссонанс’; «объект – душа»: общая сема – ‘структурность’).

Типы отношений, используемые в данных метафорических переносах, зависят от развитости ассоциативного мышления. Ассоциативное мышление обеспечивает человеку бесконечную вариативность обнаруживаемых сходных пар. Например, Бог вызывает у Б. Лирхаймера различные ассоциативные представления: собеседник *mit gott sprechen*, объект познания *Wozu noch sterben, wenn es keinen Gott gibt*, Дизайнер *ein Designer*, программист *ein Programmierer*, сотрудник *mit Gott am Leben werkt*. Для Й. В. фон Гёте Бог – это творец и попечитель: *Wo Lieb und Freundschaft unsres Herzens Segen / Mit Götterhand erschaffen und erpflegen!* [7, с. 21], Владыка *Herr*, партнёр коммуникативного акта *DER HERR*, гуманист *Es ist gar hübsch von einem großen Herrn, / So menschlich mit dem Teufel selbst zu sprechen* [7, с. 30], художник *War es ein Gott, der diese Zeichen schrieb* [7, с. 33], Совокупность *Götter* и т.п. Здесь обнаруживается общее и различное в парадигме ассоциаций. Общее выявляется по линии общения, различное – по функции и численности. Очевидно, что ассоциации зависят от развития и интенций языковой личности, культурно-исторической эпохи и умения «услышать» потребности адресата.

Характерно, что коннотация словоформы *Liebe* позиционируют себя нейтрально: *Alles wendet sich an die Liebe / Doch die Liebe ist nur ein Wort* [7, с. 34] и отрицательно *Wer keine Pflichten hat, der hat auch keine Rechte / Immer geht es um eine verlorene Liebe / Und überhaupt nicht geht es darum* [S. 66]. *Immer geht es um eine verlorene Liebe / Das ist das Gute, was ich von mir sagen kann* [S. 68]. Нейтральная семантика *Liebe* основывается на познании *Alles wendet sich* и лингвистике *nur ein Wort*. Отрицательная коннотация представлена отсутствием ответственности за смысл жизни *eine verlorene Liebe*, которая трансформируется в безысходность горя.

Поскольку словоформа *Liebe* обладает лексико-грамматической чёткостью, её семантику можно условно разделить на три категории: нулевую, неопределённую и определённую.

Нулевая категория создаётся за счёт отсутствия артикля и указывает на категорию *Liebe*. Без артикля существительное *Liebe* упоминается в речи впервые и пока ещё не

связано с предметной или коммуникативной ситуацией [8, с. 96]. Такое значение неоднородно, ибо отражает разные стороны действительности, связанные с феноменом: философскую, психологическую, социальную, научную, биологическую на гормональном *Liebe bringt das schwache Blut zum Reißen / Hormonell distinguiert* [с. 4] или морально-этическом *Ein Lackmüstest für Liebe / Blut auf frisch gestärktem Laken / Polizei im Herzen* [S. 10], сексуальном *Blowjobs mit Liebe geblasen / Sternenspur im Gesicht* [Там же] уровнях.

Неопределённая категория исходит из отвлечения *Liebe* от конкретной её индивидуальности и ограничивается оттенком значения *eine* в определённом контексте, например: *Nicht viel um eine Liebe sein...* [с. 10]. Здесь говорится лишь о том, что высокое чувство существует в одном экземпляре и к тому же представлено как «некое», то есть не связанное непосредственно с контекстом. Поскольку неопределённость соотносится с вариативностью, структурой сообщения [8, с. 87-90], можно утверждать, что семантическое разнообразие *eine Liebe* реализует бесконечную систему и восходит к концепту LIEBE [9, с. 13–16].

Определённая категория используется для дифференциации уникальности предмета (лица) как в разных ситуациях, так и в соответствующей ситуации, где каждый говорящий одинаково хорошо знает, о чём идёт речь [8, с. 30–33, 43–48]. Например: *Die Liebe ist unstet / Wie ein Blatt im Wind / Die Liebe ist vergeblich* [с. 34]. В данном случае *Die Liebe* является понятием, которое может быть раскрыто с помощью эмоционального признака *unstet*, флористического сравнения *Wie ein Blatt* или утилитарной оценки *ist vergeblich*.

Рассмотрим пример, где семантическое воздействие *die Liebe* кардинально видоизменяет значение будущего действия, *Morgen werd ich ein Lied auf die Liebe singen* [с. 58]. Маркеры этого действия репрезентированы лексически *Morgen* и грамматически: а) синтаксической конструкцией *werd ... singen*, б) предложным объектом *auf die Liebe*. Анализируемое существительное содержит в своей семантической структуре потенциальные семы – ‘отрезок светлого времени’, ‘ограниченное чувствами пространство’. За счёт глубинной семантики *die Liebe* лексико-семантическое и грамматическое время расширяется до вечности, а сама семема переходит границу морфологии и синтаксиса и получает статус известности.

Кроме того, любовь характеризуется с точки зрения вкуса соли и располагается на одной семантической шкале с медицинским термином *Salzig schmeckt die Liebe und der Eiter* [с. 54]. То есть в основе фундаментального чувства лежит серьёзное научное понятие «Eiter». Современные нейроисследователи утверждают, что 90% того, что мы воспринимаем как вкус, есть фактически запах, рецепторы которого (350 типов) занимают более 3% генома человека [10, с. 57, 65]. Вкусовые ощущения очень пластичны, они могут меняться под влиянием нового опыта.

Если согласится с предлагаемым определением Б. Лирхаймера, что «любовь – это всё *Die Liebe ist alles*» [с. 34], тогда мы вынуждены будем признать универсальность и прочность её генетической и духовной природы. Если согласится с тем, что «любовь – глупа *Die Liebe ist dumm!*» [с. 38], то мы вправе заявить, что это чувство ограничивает смысл жизни и разъединяет мужское и женское начала, нейтрализуя репродуктивность. В рассматриваемом случае понятие «Liebe» на семантическом уровне представляет собою общность без границ *alles* и эмоциональный разум *dumm!*

Наши наблюдения над лексемой *Liebe* позволили сделать вывод, что мерой антропологической любви должна быть **позитивная оценка**: *So schlimm kann die Liebe nicht sein, denn / Wir sind auf der Erde, um zu lieben* [с. 62].

Нет сомнений в том, что любви может угрожать измена *I betray you like you will betray me* [Там же]. Интересно, что измена воплощается англоязычным высказыванием или заимствованием. Констатируем симметричное использование синсемантической *I, you (2), me* и автосемантической *betray (2), like, will* лексики, «рамочную конструкцию» личного

местоимения *I*, параллелизм эквивалентного местоимения *you*, моделирование личностного или «своего пространства» [11, с. 13].

Введение в стихотворение англоязычной лексики является сигналом непосредственного указания на распределение симпатий / антипатий автором касательно проблемы межэтнических любовных отношений.

Признавая божественную природу человека и его бытия, Б. Лирхаймер параметризирует волю Бога и волю человека *Es ist der Mensch in seiner Hölle / Der, der das Leben nicht so wölle* [S. 72]. При этом наращивается смысловой объём негативного познания мира. Малейшая ошибка человека способна разрушить планетарное бытие *Doch schlich sich ein ein kleiner Fehler / So wie ein Dieb ganz unbemerkt / Der sich summiert zum Weltzerstörer / Und der mit Gott am Leben werkt* [Там же].

Соразмерность духовной силы человека и мироздания проявляется через употребление количества и частотности синсемантической *Doch, sich (2), ein (2), So, wie, ganz, Der, zum, Und, der, mit, am* (f=14) и автосемантической *schlich ein, kleiner, Fehler, Dieb, unbemerkt, summiert, Weltzerstörer, Gott, Leben* (f=9) лексики.

Насыщенность текста синсемантической лексикой свидетельствует о «создании дополнительной смысловой, эмоционально-оценочной, экспрессивной информации» [6, с. 39–40]. Например, артикль *ein* указывает на неопределённую соотнесённость объёма и образа ошибки *kleiner Fehler* с предметным миром *Leben*. Актуализация возвратного местоимения *sich (2)* в соседстве с глаголами *schlich ein* и *summiert* приписывает ему соответствующую контекстуальную оценочность, которой оно лишено в словаре – проникновение в сердцевину окружающего мира. Сочинительный союз *Und* устанавливает отношения аналогичности или равноценности между двумя предложениями: содержание первого, законченного, предложения *Der sich summiert zum Weltzerstörer* дополняется, уточняется, продолжается во второй, присоединяемой к нему части *Und der mit Gott am Leben werkt*. То есть *Und* участвует в создании не только нового смысла, но и общего стилистического тона изложения.

Оценочность появляется и у нейтрального композита *Apfelbaum* – «яблоня» при его уточнении словом *Apfeltraum* – «яблочный сон». Преобладает положительная оценка *die süße Melodie* – «медовая мелодия», что обусловлено двумя основными факторами. Первый фактор связан с морально-этической нормой изложения природного. В классическом понимании природное или божественное по своей сути не может быть безобразным. Оно, как правило, воспевается и обожествляется. Здесь обнаруживается принцип наследственности, который, очевидно, является «питательной средой» или источником вдохновения для авангардистов. Второй фактор проистекает из положительного или романтического восприятия поэтом отражаемой действительности: *Hört ihr aus jenem Apfeltraum / Die süße Melodie? / Sie nachzusammen, wag ich kaum / Und sie zu spielen nie* [S. 8].

Неразрывная связь между оценкой и эмоцией детерминирована сознательными когнитивными процессами *wag*. Такие процессы способствуют раскрытию не только образной семантики наречия меры и степени *kaum*, но и созданию концептуальных образов а) лирического героя *ich*, б) песни *sie*, в) действия *spielen*, г) времени *nie*, которые являются знаковыми для содержательно-фактологического материала.

Эмоционально-оценочное значение нередко трансформируется в **экспрессивное**: *Steh ich am Ufer, wo die Weiden blühen / Und bitter Ginster sticht / Sehe ich mein Glück von dannen ziehen / Die Liebe, die entwich* [Там же]. Эмотив *Glück* со значением «любимая» выражает эмоциональное состояние говорящего, которое переходит в определённые позитивные чувства *die*. Желание повлиять на чувства адресата реализуется через глагольную словоформу *entwich* со значением интенсивного самостоятельного движения. Любовь *die* характеризуется автономностью и одновременно сосуществованием с *Die Liebe*, динамичностью, изменчивостью, непостоянством.

Примечательно, что эмоции обозначаются и эмотивной лексикой, семантический аспект которой используется как для выражения эмоций

- 1) *сожаления* *Ach hätte unser Gott uns doch mehr / Geliebt oder wir ihn* [с. 10],
- 2) *разочарования* *Liebhaver / Enttäuscht. Entvölkert die / Landschaft der Träume* [Там же],
- 3) *страха* *Hinübergereicht ängstlich / Dem Schützen in seinem Graben / Der gerade auf es zielt mit / Seinem Drachen* [с. 26],
- 4) *горя* *Morgen sind alle, die so wie er litten / Zum Tanze bereit in dem Sternenjahr* [с. 60],
- 5) *радости* *Lustig lustig trallalaviert* [Там же],
так и номинации
- а) эмоции *радости* *Lustig wird's morgen und umso mehr / Der heutige Tag bleibt im Grauen* [Там же],
- б) эмоция *вины* *Die Antwort, dass ich selbst Schuld bin, ist mir zu glatt* [с. 66],
- в) формы эмоции *радости* *Wie Blätter treibt im Strom fort / Das milde Glück* [с. 8],
- г) формы эмоции *печали* *Ein Schiff liegt auf der Reede / es fährt ins Glück hinaus / Ist nur ein Schmerz; Heißes Feuer nährt vom dünnen Reisig / Mensch der seinen Nächsten quält* [с. 4] или *метафоризации* *Die Zeiten sind immer traurig* (2); *Geschichten sind doch immer schaurig; Geschichten sind nicht immer schaurig* [Там же]; *Ich habe das Zeitrad der Zeit gekränkt* [с. 46].

Сюда добавляется и невербальное описание эмоционального состояния, в том числе эмоция *интереса* *Wer schreibt hier so schaurige Verse?, Wer schreibt hier so einen Schrott?* [с. 4], *Wer nimmt ihn endlich fort?* (2), *Hört ihr aus jenem Apfelbaum / Die süße Melodie?* (2) [с. 8], *Ungewissheit, Hannibal, legst du den Samen wohin / In Sklavennester, in Kuckuckseier, oder mir in den Mund?* [с. 20], *Wozu noch einen Körper haben / Wenn keine Hand streicht über / Das Muskelspiel. Wozu Geist / Wenn sich keiner mit ihm austauscht. / Wozu Hand, wenn sie nichts findet / Wozu mich verändern, wenn niemand auf mich zugeht. / Wozu noch sterben, wenn es keinen Gott gibt und / Wozu noch leben, ohne Trost, nur zu große Aufgaben. / Wozu noch ein Scheit in das Feuer werfen, wenn / Die eigene Hand es nicht los lässt. [...]* [с. 64],

эмоция *печали* *es war im Dunkeln, als ich um sie weinte* [с. 12],

эмоция *страха* *Du darfst nicht! Du sollst nicht!* [с. 62],

эмоция *радости* *Wir füttern uns gegenseitig und lächeln* [с. 14], *Er lachte und blickte mir ins Gesicht* [с. 50], *Morgen ist der Sternbe erhellendes Leuchten / Nur noch für den lachenden Wanderer da* [с. 60]. Последняя эмоция репрезентирует разную экспрессивность – обоюдную улыбку *lächeln*, мужской смех *lachte*, смеющегося туриста *lachenden*.

Также актуальными для невербального описания эмоций оказались соматизмы *Gesichter* [с. 4], *unzulässiges Ohr* [с. 10], *mit süßem Mund* (2), *im Munde, des Herzens Schwere, auf meinen Gliedern* [с. 12], *Hand in Hand* (7), *die Schenkel, einen kleinen Knochen, Kopf, Meine Arme, deine Brüste, die zarten Spitzen* [с. 14, 16], *Mit den Augen, Auf die Hirne, die Leiber, in den Mund* [с. 20], *in einer Hand gebacken / In eine andere gegeben; mit den schmutzigen Fingern // Das gerade sich mit Asche auf die Haut / Ein Buch auf dem Arm schreibt* [с. 26], *Vor meinen Augen steht eine Wand / Meinen Ohren stehen jeweils / Nur Wände gegenüber; die Feuchtigkeit deiner Lippen; dein Bäuchlein; Deinen Nabel; Ich klopfe mit dem Knöchel / Des Zeigefingers meiner rechten Hand; Meine Augen, die eben / Den Schutz meiner Lider verlassen / Blicken schüchtern umher; deinen Bauch; das Braun deiner Augen* [с. 28], *Für tausend unendliche Worte erfinden / Unsere Münder keinen einzigen Laut* [с. 38], *die finger ins wasser gebracht / kälte und wärme Verspürt* [с. 42], *Mit meiner Hand möchte ich dich küssen. / Mit meinen Augen dich berühren. / Mit deinem hinkenden Fuß möchte ich ausscheren* [с. 52] и т.д.

Данные и другие соматизмы, применяемые Б. Лирхаймером, актуализируют не только общие понятия «лицо», «ухо», «рот», «сердце», «косточка», «голова», «глаза», «лоб», «тело», «рука (ладонь / кисть)», «пальцы», «кожа», но и отдельные, связанные с адресантом «Я» и адресатом «Ты».

Соматизмы адресанта – *auf meinen Augen (3), Meine Arme, meinen Gliedern, meiner Hand, meiner Lider, Meinen Ohren* и адресата – *deinen Bauch, deiner Augen, dein Bäuchlein, deine Brüste, deinem Fuß, deiner Lippen, Deinen Nabel* можно рассматривать как приёмы стилизации текста, способствующие привлечению внимания, повышению эмоциональности, созданию эффекта интимности, таинственности, симпатии. При этом фиксируется не только иерархичность, но и форма единственности или множества соматизмов. Показательно, что структура тела у адресанта – «стандартная», то есть верхняя (глаза, веки, уши и плечи), средняя (ладонь) и нижняя (конечности) части туловища, у адресата – «нестандартная», ибо «состоит» из средней (грудь, живот, животик и пупок), верхней (губы, глаза) и нижней (нога) частей тела. Единичными для адресанта являются *Hand*, множественными – *Augen (3), Arme, Glieder, Lider, Ohren*. Значимым для концептуализации соматизмов становятся множественные формы, где доминируют *Augen* как один из основных рецепторов и информационных каналов восприятия мира.

Среди единичных соматизмов адресата встречаются *Bauch, Bäuchlein, Fuß, Nabel*, множественные обнаружены в случаях *Augen, Brüste* и *Lippen*. Здесь значимыми являются единичные формы, которые распределяются равномерно относительно друг друга.

Выводы. Таким образом, соматика в авангардной поэзии Б. Лирхаймера несёт на себе отпечаток оценочности и отражает специфику авторского восприятия общего и частного, количественного и качественного. Анализ лексического выражения эмоций в авангардной поэзии Б. Лирхаймера ($f = 33$ поэтических текста) позволил выявить семантические различия между эмотивной, соматической и общеупотребительной лексикой и установить ряд контекстно-семантических ограничений для каждого из данных пластов. Эмотивная лексика соотносится с эмоциональной сферой личности и выполняет аналогичную функцию, соматическая – с биологической структурой человека и указывает на номинативную функцию невербальных эмоций, общеупотребительная – с текстовой семантикой и реализует информационную и коммуникативную функции. Вербализация эмоций охватывает в терминах морфологии знаменательные и служебные части речи. К знаменательным относятся имена существительные (10) *Bäuchlein, Bröckelen, Glück (3), Schmerz (2), Schuld, Oberstübchen, Völkchen*, имена прилагательные (18) *ängstlich (2), fiebrig, lustig (3), ruhig, schaurig (2), schmerzhaft, schmunzeld, schüchtern, schweigend, traurig (3), verwundert, wund, глаголы (12) enttäuschen, entweichen, erschrecken, kränken, lachen, lächeln (3), quälen, sich wundern, weinen (2)*. Преобладание эмотивных прилагательных свидетельствует о намерении автора показать и охарактеризовать эмоциональное состояние лирического героя или передать эмоциональный фон происходящего. Служебные части речи представлены эмотивными частицами (32) *doch (24), nun (4), nur (4)* и эмоциональными междометиями (3) *Ach, Ach so, ach*. Позиционно обусловленная неизменяемость эмотивных частиц сигнализирует об активизации в современном немецком языке черт языка изолирующего типа.

Полагаем, что дальнейшее исследование лексического выражения эмоций на поэтическом материале в сопоставительном аспекте будет содействовать созданию общей структуры линвоэмоциональной картины мира в двух языках – немецком и русском.

Список использованной литературы

1. Изард К. Э. Психология эмоций / Кэррол Эллис Изард; пер. с англ. В. Мисник, А. Татлыбаева. – СПб. : Питер, 2008. – 464 с.
2. Орбан-Лембрик Л. Е. Соціальна психологія: у 2 кн. Кн. 1: Соціальна психологія особистості і спілкування / Лідія Ернестівна Орбан-Лембрик. – К. : Либідь, 2004. – 576 с.
3. Літературознавчий словник-довідник / [за ред. Р. Т. Гром'яка, Ю. І. Коваліва, В. І. Теремка]. – К. : Вид. центр «Академія», 2007. – 752 с. – (Nota bene).
4. Семотюк О. П. Сучасний словник іншомовних слів / Оксана Петрівна Семотюк. – [2 вид., доп.]. – Х. : Веста : Вид-во «Ранок», 2008. – 688 с.
5. Lierheimer В. Manchmal sehe ich Sterne / Bernhard Lierheimer. – Kherson : Ajlant, 2008. – 76 s.
6. Кухаренко В. А. Интерпретация текста / Валерия Андреевна Кухаренко. – М. : Просвещение, 1988. – 192 с.
7. Goethe J. W. Faust / Johann Wolfgang Goethe. – Kehl : SWAN, 1994. – 416 S.

8. Левковская К. А. Артикль в немецком языке / Левковская К. А., Пророкова В. М., Сергиенко Л. В. – М. : Просвещение, 1973. – 224 с.
9. Приходько А. Н. Концепты и концептосистемы / Анатолий Николаевич Приходько. – Днепропетровск : Изд-во Белая Е. А., 2013. – 307 с.
10. Lehrer J. Proust was a Neuroscientist / Jonah Lehrer. – Edinburgh : Cannongate, 2012. – 242 p.
11. Петренко Н. В. Займенник у віршованих текстах американської поезії: когнітивно-семіотичний та лінгвосинергетичний аспекти: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.04 «Германські мови» / Наталя Володимирівна Петренко. – Х., 2008. – 20 с.

References

1. Izard, C. E. (2008). *Psychology of emotions*. Sank-Petersburg: Pieter. (in Russ.)
2. Orban-Lembryk, L. E. (2004). *Social psychology: in 2 books. Book 1: Social psychology of person and communication*. Kyiv: Lybid (in Uk.)
3. Gromyak, R. T., Kovaliv, Y. I., and Teremok, V. I. (ed.) (2007). *Literature dictionary-reference book*. Kyiv: Publishing house 'Akademie' (in Ukr.)
4. Semotyuk, O. P. (2008). *Modern foreign words dictionary*. Kharkiv: Vesta; Publishing house 'Ranok' (in Ukr.)
5. Lierheimer, B. (2008). *Manchmal sehe ich Sterne*. Kherson: Aylant (in German and Ukr.)
6. Kukhareno, V. A. (1988). *Interpretation of text*. Moscow: Prosveschenie (in Russ.)
7. Goethe, J. W. (1994). *Faust*. Kehl: SWAN (in German)
8. Levkovskaya, K. A., Prorokova, V. M., and Sergienko, L. V. (1973). *Article in German language*. Moscow: Prosveschenie (in Russ.)
9. Prykhodko, A. N. (2013). *Concepts and conceptual systems*. Dnipropetrovsk: Belaya's E. A. Publishing house (in Russ.)
10. Lehrer, J. (2012). *Proust was a Neuroscientist*. Edinburgh: Cannongate (in Eng.)
11. Petrenko, N. V. (2008). *Pronoun in the American Poetic Texts: Cognitive, Semiotic and Linguosynergetic Aspects: abstract of thesis for a Candidate Degree in Philology: Speciality 10.02.04 'Germanic Languages'* (in Ukr.)

ROMANOVA Natal'ja Vasil'evna,

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of German language,

Kherson State University

e-mail: natalroman@mail.ru

LEXICAL EXPRESSION OF EMOTIONS IN AVANT-GARDE GERMAN POETRY: BERNHARD LIERHEIMER

Abstract. Introduction. Modern studies of emotions of a mental category are extensively complemented with researches of the phenomenon of a literary category. Philologists explore a nominative nature of the emotional and the emotive (A. V. Zhukovska, A. S. Ilinskaya, G. V. Kireeva et al.), its structural (N. A. Krasavskiy, M. V. Pimenova, Ya. P. Rudkivskiy et al.), notional (M. M. Makovskiy, P. O. Selihei, V. N. Teliya et al.), semantic (G. S. Borodkina, P. A. Kuporosov, A. M. Manzii et al.), and communicative-pragmatic nature (M. D. Gorodnikova, Z. Z. Iskhakova, V. I. Shakhovskiy et al.).

Purpose. The purpose of our study is to analyze lexical units which denote emotions in avant-garde German poetry.

Methods. A complex of interacting general scientific and special linguistic methods has been used for compassing the purpose, specifically, inductive and deductive methods, analysis and synthesis, structural and semantic, logical and semantic, contextual, and comparative methods, along with the elements of quantitative manipulation of data.

Results. Principal findings of the study are connected with specification of the definition "avant-garde poetry", highlighting of an avant-garde poet's new emotional behaviour pattern, primary and secondary persona's ambitions, stylistics, lexical semantics and morphology of empiric materials, classification of the vocabulary of the poems according to the thematic field approach,

an objectification of each six marked thematic fields, "parts of speech" division of grammatical categories of words: a noun, an adjective, a pronoun, a verb, an adverb, prepositions, conjunctions, particles, interjections, a dominance of a noun as one of the linguistic means of breach of poetic canons, a standard (classical) and substandard (avant-garde) art of the early 21st century, lexical semantics of an original feeling, functions of English borrowings, semantic types of emotive and somatic vocabulary.

Originality. Originality of the findings of the study involves the following: German avant-garde poetry of the early 21st century was analyzed by Ukrainian philologists for the first time, emotional behaviour pattern in a dynamic, changeable and spiritless world was highlighted, a semantic value of sememe Liebe was reconstructed; thematic fields were distinguished on the basis of German avant-garde poems as a total of persona's emotional state for the first time. Originality is also related to way of

perception of avant-garde German poetry, differentiation of the vocabulary according to the approach of grammatical and lexical-semantic categorization.

As the findings of the study following conclusions were drawn: somatics in B. Lierheimer's avant-garde poetry is characterized with an imprint of evaluation and reflects the author's peculiarities of perception of the general and the particular, the qualitative and the quantitative; lexical expression of emotions is represented with emotive, somatic and common lexis.

Emotive lexicon is correlated to personal emotional sphere and performs the corresponding function, somatic lexicon is related to human-being's biological structure and points at a nominative function of non-verbal emotions, common lexis is connected with textual semantics and performs informative and communicative functions. Verbalization of emotions comprises in terms of morphology notional and auxiliary parts of speech.

Notional parts of speech include nouns (10) Bäuchlein, Bröckelen, Glück (3), Schmerz (2), Schuld, Oberstübchen, Völkchen, adjectives (18) ängstlich (2), fiebrig, lustig (3), ruhig, schaurig (2), schmerzhaft, schmunzeld, schüchtern, schweigend, traurig (3), verwundert, wund, verbs (12) enttäuschen, entweichen, erschrecken, kränken, lachen, lächeln (3), quälen, sich wundern, weinen (2).

Conclusion. Predominance of emotive adjectives testifies the author's intention to depict and characterize persona's emotional state or express an emotional background of events. Auxiliary parts of speech are represented with emotive particles (32) doch (24), nun (4), nur (4) and emotional interjections (3) Ach, Ach so, ach. An inalterability of emotive particles which is determined through positions indicates activation of isolating language features in modern German.

Key words: emotion; avant-garde poetry; vocabulary; emotive vocabulary; somaticity.

Надійшла до редакції 29.10.2015

Прийнято до друку 14.11.2015

УДК 811:161/2=81¹ 23

КОРНОВЕНКО Лариса Віталіївна,
кандидат філологічних наук, доцент
Черкаського національного університету
імені Богдана Хмельницького
e-mail: l-kornovenko@rambler.ru

ОБРАЗИ ВЛАДИ, ВИБОРІВ, ВИБОРЦЯ В МОВНІЙ СВІДОМОСТІ ЧЕРКАЩАН (ЗА РЕЗУЛЬТАТАМИ АСОЦІАТИВНОГО ЕКСПЕРИМЕНТУ 2013–2014РР.)

Стаття репрезентує дослідження мовної особистості крізь призму її асоціацій з урахуванням функціонально-семантичного, соціального та етнокультурологічного аспектів. Проаналізовано вплив соціально-політичних зрушень, умов життя на мовну свідомість, світобачення й світосприйняття через вербалізацію асоціацій свідомості реципієнтів. Установлено, що на сьогодні питання опису механізмів асоціювання, хоча й приваблюють лінгвістів, але ретельно не розроблені, не узагальнені. Узагальнено точки зору на історію та сучасний стан вивчення проблеми в русистичі та українстичі.

У статті розглянуто результати асоціативного експерименту, описано ключові поняття, процедура й етапи дослідження. Матеріалом дослідження послуговували дані асоціативного експерименту (2013–2014 рр.), які дають змогу отримати уявлення про реальне психологічне сприйняття значення досліджуваних понять носіями певної культури. З'ясовано мовні засоби (лінгвістичні маркери), якими мешканці Черкащини позначають такі соціально значущі поняття: влада, вибори, виборець, депутат, народ, держава, громадянин, чиновник, службовець, мер, губернатор, толерантність, інтолерантність тощо. У статті будуть репрезентовані результати опису слів-стимулів, які отримали найвищий показник реакцій: **влада, вибори, виборець**. Зіставлено словникове тлумачення слів **влада, вибори, виборець** та асоціативне поле кожного з них. Установлено, що образ влади в мовній свідомості українців асоціюється переважно з негативними реакціями. Образи **вибори, виборець**